

И. УЧЧЕЛЛО¹

ДЕЛО КАИРОВОЙ И ЕГО СЛЕД В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье исследуются отношение Ф. М. Достоевского к судебному делу Н. В. Каировой (1876) и его влияние на процесс создания романа «Братья Карамазовы». Каирова, оправданная после покушения на убийство жены своего любовника, стала объектом широкого обсуждения в конце XIX в. В ней видели то жертву обстоятельств, то деспотичную женщину, разрушающую семейные узы. В «Дневнике писателя» Достоевский внес свой вклад в дискуссию. Центральным для писателя стал образ порочной женщины. Его негодование было вызвано исходом дела, в котором он видел признак нравственного упадка. В последнем романе Достоевского можно увидеть намеки на разные аспекты дела Каировой, отчасти сформировавшего образы Катерины Ивановны, адвоката Фетюковича, отдельных представителей публики и судмедэкспертов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», дело Н. В. Каировой, уголовные дела в литературе, женщина в России 1870-х гг.

I. UCCELLO

THE KAIROVA CASE AND ITS IMPACT ON DOSTOEVSKY'S OEUVRE

Annotation: This article explores F. M. Dostoevsky's perspective on the Kairova case (1876) and its impact on *The Brothers Karamazov*. Kairova, acquitted of attempted murder of her lover's wife, became the subject of extensive discussions in the late 19th century. Different viewpoints formed around Kairova's character: she was seen as a victim of circumstances, or as a tyrannical woman undermining familial ties. Dostoevsky engaged in these debates through his articles in *A Writer's Diary*. His outrage stemmed from the case's verdict that he interpreted as a reflection of a deteriorating society. Central to this narrative was the figure of a wayward woman. This incident also left its mark on Dostoevsky's final novel, where allusions to aspects of the Kairova case can be

¹ Ирис Уччелло, аспирантка кафедры иностранных литератур Веронского университета, Италия; Iris Uccello, PhD student in Foreign languages and literatures at University of Verona. iris.uccello@univr.it

detected. This is particularly evident in the depiction of Katerina Ivanovna, lawyer Fetyukovich, public response, and medical examination.

Key words: F. M. Dostoevsky, *The Brothers Karamazov*, the Kairova case, criminal cases in literature, woman in Russia in the 1870s.

В апреле 1876 г. Настасья Васильевна Каирова (1844–1888) была обвинена в покушении на убийство жены своего любовника, Александры Ивановны Великановой. Подсудимая нанесла жертве бритвой четыре раны, которые, к счастью, оказались не смертельными¹. Подсудимую оправдали, что вызвало разнообразные дискуссии в публицистике. Дело Каировой разделило общественное мнение, затронув важные социальные аспекты. Оно касалось вопросов, связанных с институтом семьи, брака, роли женщины в обществе, а также с юридической сферой: судом присяжных, адвокатской практикой и введением в судебном расследовании психиатрической экспертизы.

После проведения в 1864 г. судебной реформы уголовные разбирательства стали открытыми, судебные записи публиковались в газетах, издавались в виде книг, а писатели и публицисты использовали их для обоснования общественных вопросов. Судебные процессы становились инструментом изучения общественных настроений, его зеркалом, в котором «живо рисуется наша жизнь со всеми ее подробностями; со всею назатейливостью ее отношений <...> выступают вперед те вопросы жизни, разрешение которых неотразимо в более или менее ближайшем будущем»².

Ф. М. Достоевский в 1860–1870-е гг. проявлял значительный интерес к текущим судебным разбирательствам. Как отмечено исследователями, «тема русского суда связана со всей полнотой его писательской идеологии»³. Судебная тематика тесно переплетается с вопросами личного раскаяния и нравственного самосознания, которые сопутствуют судебным процессам, однако идут помимо них и, иногда, в противоречии с ними, выполняют роль «внутреннего суда»⁴. Через анализ судебных дел, привлекавших внимание писателя, мы можем глубже проникнуть в его мировоззрение, узнать новое о его отношении к актуальным проблемам своего времени, в числе которых была женская эмансипация, выяснить суть его общественной позиции, хорошо проявленной

¹ См.: Судебная хроника. Дело Каировой // Голос. 1876. № 118–122 (29 апреля — 3 мая); Судебная хроника. Дело г-жи Каировой // Новое время. 1876. № 59–62 (29 апреля — 2 мая); Судебная хроника. Дело Каировой // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 117–120 (29 апреля — 2 мая); Судебная хроника. Дело Каировой // Петербургская газета. 1876. № 82–83 (29 и 30 апреля).

² Нос А. Замечательные судебные дела. СПб., 1869. С. VII.

³ Карлова Т. С. Достоевский и русский суд. Казань, 1975. С. 3.

⁴ См.: Сафронова Е. Ю. Право в художественном сознании Ф. М. Достоевского // Вестник ТГПУ. 2012. № 3. С. 149; Дорошева Е. В. Достоевский и русский суд как основа национально-правовой этики: феноменология образов: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. С. 10.

в комментариях к судебным расследованиям⁵ и выраженной также, например, в явлении «случайного семейства», одного из главных, по мнению Достоевского, симптомов разрушения общества⁶. Изучение дела Каировой кажется в этом смысле особенно продуктивным: его влияние на последний роман писателя до сих пор мало освещено, хотя в деле затронуты вопросы, исключительно важные для Достоевского. В «Дневнике писателя» делу Каировой посвящены главы: «Из частного письма», «Областное новое слово», «Суд и г-жа Каирова», «Г-н защитник и Каирова», «Г-н защитник и Великанова» (23, 5–20).

Отметим, что тема «Достоевский и суд» довольно основательно изучена. По словам Т. С. Карловой, судебная проблематика «утвердилась в традиции исследования творчества писателя как периферийная, узкоспециальная, не имеющая выхода за пределы истории суда»⁷. Советские и российские исследователи, как правило, не уделяли внимания общественным идеалам писателя, сосредотачиваясь лишь на его позиции относительно судебной системы, а также на восприятии мира юриспруденции в его произведениях⁸. В США был опубликован ряд работ, в которых предпринималась попытка анализа наиболее интересных Достоевского судебных процессов для выявления в них ключевых мировоззренческих концепций писателя. Х. Мурав, в частности, считает, что дела, о которых Достоевский рассказывает в «Дневнике писателя», объединены образом главного героя — повествователя. Сначала он представляет себя сыном, а затем, постепенно, отцом современной ему России, проходя путь от хаоса к порядку⁹. Дело Каировой рассматривается им в рамках этой общей концепции, в рамках темы «отцов и детей»: Достоевский хочет, подобно главе семьи, «подчинить непокорную женскую сексуальность»¹⁰. По мнению Г. Розеншильд, связующей нитью в обсуждении писателем различных судебных дел является критика Запада: Достоевский боится, что только возникшая судебная система России повторит ошибки западной

⁵ См.: *Учелло И.* Риторика судебная и идеологическая: Уголовный процесс в трактовке Достоевского // *Мир русского слова.* 2019. № 4. С. 48–54.

⁶ «...уже множество таких, несомненно родовых, семейств русских с неудержимую силою переходят массами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспорядке и хаосе» (13, 455).

⁷ *Карлова Т. С.* Достоевский и русский суд. С. 5.

⁸ *Гроссман Л. П.* Достоевский и правительственные круги 1870. М., 1934. (Литературное наследство; т. 15). С. 83–162; *Щенников Г. К.* Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов // *Русская литература 1870–1890 годов.* Сб. 4. Свердловск, 1971. С. 3–23; *Карлова Т. С.* Достоевский и русский суд; *Изыумская С. С.* Вопросы судопроизводства в художественных текстах Ф. М. Достоевского (на материале произведений «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 2. С. 26–30; *Сафронова Е. Ю.* Право в художественном сознании Ф. М. Достоевского // *Вестник ТГПУ.* 2012. № 3. С. 147–156.

⁹ *Murav H.* Russia's legal fictions. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998.

¹⁰ Перевод наш (И. У.). *Murav H.* Russia's legal fictions. P. 144.

юриспруденции, в которой нравственность полностью изолирована от законов¹¹. Особенно писатель обеспокоен тем, что такие вердикты, как в делах Станислава Леопольдовича Кроненберга (оправдан после того, как пятнадцать минут сек семилетнюю дочь розгами) или Каировой, могут стать плохим примером для общества, поскольку «трибуны наших новых судов — это решительно нравственная школа для нашего общества и народа» (23, 19).

В рамках основной задачи нашей статьи нельзя не упомянуть работу Р. Д. Лебланка о комментарии Достоевского к делу Каировой¹². Лебланк демонстрирует множество примеров того, что любовь Каировой, по мнению писателя, свидетельствует о ее страстном любовном влечении. Исследователь отмечает, что для Достоевского такое чувство разрушительно и является противоположностью созидающей женской любви. Необходимо указать, что на самом деле комментарий писателя по данному вопросу имеет более широкую тематику.

Ф. М. Достоевского интересует это судебное дело как нечто новое, способное многое рассказать о стремительно меняющемся русском обществе. Кроме того, Каирова отчасти представляет собой тип «новой женщины», чей путь заслуживает особого внимания.

Настасья Васильевна Каирова¹³, как подобает стереотипной эмансипированной женщине, покидает домашний очаг, оставляя двух дочерей под опекой ее гражданского мужа Федора Алексеевича Кони (1809–1879), драматурга и отца правоведа Анатолия Федоровича Кони. Изначально она работает секретарем в газете «Биржевые ведомости», затем уезжает в Оренбург, выдавая себя за актрису. В ноябре 1874 ее принимают в оренбургскую театральную труппу. Там она заводит любовные отношения с антрепренером Василием Александровичем Великановым, который, обанкротившись, весной следующего года переезжает с ней и своей сестрой в Санкт-Петербург, затем снимает дачу

¹¹ *Rosenshield G.* Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law. Madison: University of Wisconsin Press, 2005.

¹² *LeBlanc R. D.* Dostoevsky and the Trial of Nastasia Kairova: Carnal Love, Crimes of Passion, and Spiritual Redemption // *Russian Review*. 2012. Vol. 71, no. 4. P. 630–654.

¹³ Информация о биографии Н. В. Каировой в основном черпается из ее писем и судебных хроник, связанных с уголовным процессом. На основе этих материалов Мэри Ф. Зирин и Ольга Макарова первыми составили биографию Каировой в своих статьях (*Zirin M. F.* Meeting the challenge: Russian women reporters and the Balkan crisis of the late 1870s // *An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia* / ed. V. T. Norton, J. M. Gheith. Durham; London: Duke University Press, 2001. P. 140–166; *Макарова О. Е.* Судьба каким-то образом ставит меня поперек Вашей дороги... «Дело Каировой» и его след в биографии А. С. Суворина (дневник Настасьи Васильевны Каировой в сумасшедшем доме) // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 75. С. 110–121). Имя Н. В. Каировой упоминается в двух библиографических словарях (Библиографический словарь русских писательниц Н. Н. Голицына. СПб.: тип. Б. С. Балашева, 1889; *Пономарев С. И.* Наши писательницы: (библиографический словарь русских писательниц князя Н. Н. Голицына). СПб.: тип. Имп. академии наук, 1891).

в Ораниенбауме. Через некоторое время он решает помириться с женой и зовет ее на дачу, именно там Каирова и совершает покушение на убийство. В ночь с 7 на 8 июля 1874 г. она наносит бритвой четыре глубокие раны в голову и шею жены антрепренера. От завершения убийства ее удерживают проснувшиеся Великанов и его сестра. На крики приходят студенты Вениров и Веленкин, а также два городских — Хайнерт и Якимец (в судебных хрониках указаны только фамилии этих персон), и обнаруживают Каирову в состоянии шока, в одной ночной рубашке. Ее немедленно помещают под стражу, и до 11 ноября 1875 г. она находится в тюрьме. Спустя шесть месяцев ее переводят в Петербургскую психиатрическую больницу св. Николая Чудотворца.

28 апреля 1876 г. начинается суд. Рассмотрение дела происходит в Третьем отделении Петербургского окружного суда. Товарищем прокурора выступает один из деятелей судебной реформы, Владимир Константинович Случевский, а защиту возглавляет Евгений Исаакович Утин, известный юрист и публицист. Подсудимая признается, что хотела спасти В.А. Великанова от его супруги, так как та плохо на него влияла, что она хлопотала за него, спасала от полиции и сама предложила переехать в Петербург. Великанов, выступающий свидетелем, утверждает, что всегда любил жену, а отношения с Каировой начал для удовлетворения половой потребности.

Подсудимую обвинили в покушении на убийство, однако присяжные признали ее невиновной. Об этом скандальном деле появилось множество публицистических материалов¹⁴. В них Каирова предстает то как «женщина вообще деспотичного характера, желающая властвовать над мужчиной»¹⁵, то как вполне достойная особа, которая на суде держалась скромно и спокойно¹⁶.

В период своего пребывания в тюрьме и психиатрической больнице Каирова пишет автобиографические описания¹⁷, представляющие собой своеобразный конгломерат исповедальной, автобиографической и патографической прозы. Ее тексты отличает эмоциональность, необычное в них превалирует над общепринятым, что можно наблюдать во многих русских женских автобиографиях конца XIX в.¹⁸

¹⁴ Х.Х. Х. Многое // Гражданин. 1876. № 17 (23 мая). С. 468–469; Страшное кощунство // Домашняя беседа. 1876. № 19. С. 493–494; Незнакомец (А. Суворин). Недельные очерки и картинки // Новое время. 1876. № 62 (2 мая). С. 3; *Боборыкин П.* Любовные драмы // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 129. С. 2.

¹⁵ Судебная хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. № 117. С. 4.

¹⁶ Судебная хроника // Петербургская газета. 1876. № 82 (29 апреля). С. 3.

¹⁷ Автобиографический очерк А.В. Каировой / вступ. ст. и примеч. О.А. Бабук // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2001. С. 375–387; *Макарова О.Е.* Судьба каким-то образом ставит меня поперец Вашей дороги... С. 110–121.

¹⁸ *Holmgren B.* Gendering the icon: marketing women writers in Fin-de-siècle Russia // Russia. Women. Culture / eds. H. Goscolo, B. Holmgren. Bloomington: Indiana University Press, 1996. P. 340.

В частности, взгляд Каировой на материнство сильно расходится с общественно-социальной нормой, например, по ее словам, она не в силах вынести «возню и крики» маленьких детей, впадая от этого в истерическое состояние¹⁹.

Каирова имела очевидные литературные склонности и, вероятно, планировала опубликовать свои тексты, о чем свидетельствует ее письмо к А. С. Суворину²⁰: «Романы я писать не умею. Пробовала в былые времена, да никогда ничего не выходило. Вот воспоминания “Из тюрьмы” и “Из дома умалишенных” могла бы написать»²¹. Кроме того, она написала Н. С. Лескову о твердом намерении стать его литературным помощником. В РГАЛИ хранится «Сказка о Нужде: фламандская легенда», написанная Каировой специально для Лескова и сопровождаемая следующим письмом:

Простите меня, дорогой Николай Семенович: вместо понедельника присылаю Вам сию чепуху в четверг. Перерыла все сундуки, все уголки, где можно было заподозрить рукопись, не нашла — пришлось написать вновь. Вышел остов, канва, по которой Вы, если она канва пригодится Вам, можете, Вашей мастерской, художественной рукой, вышить прелестнейшие и разнообразные узоры. До свиданья — льщу себе надеждой, что до скорого²².

Не имея успехов в литературе, Н. В. Каирова все же получила известность на журналистском поприще, несмотря на то что писала под мужским псевдонимом (она подписывалась по-разному (А. К., А. В., Н. С.), но всегда использовала мужские грамматические формы). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. она отправляла свои репортажи сначала в «Новое время», в чем ей помог А. С. Суворин, затем в газету «Голос», устроившись туда по протекции бывшего мужа Ф. А. Кони. Заметим, что судьба этой войны, в отличие от всех предыдущих, решалась в газетах. Именно эти издания оказали преобладающее влияние на решение о вступлении России в конфликт²³. Мэри Зирин, изучая журналистскую карьеру Каировой, отмечает, что она была первым военным обозревателем, который начал вести репортажи

¹⁹ Автобиографический очерк А. В. Каировой. С. 384.

²⁰ Об отношениях Каировой и Суворина и о влиянии на биографию Суворина подробно написала О. Макарова. Каирова состояла в весьма близких отношениях с А. С. Сувориным, о чем свидетельствуют страстные письма с фронта (*Каирова Н. В.* Письма к А. С. Суворину. 1877–1880 гг. // ИРЛИ. Ф. 268. Архив А. С., А. А., М. А. Сувориных. Оп. 1. Ед. хр. 28; РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1667).

²¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1667. Л. 76.

²² *Каирова Н. В.* Сказка о нужде: фламандская легенда // РГАЛИ. Ф. 275. Архив Н. С. Лескова. Оп. 1. Ед. хр. 347.

²³ См.: *McReynolds L.* The news shapes the medium: War and assassination, 1876–1881 // *The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press.* Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 73–96.

с линии фронта. За два года она написала более трехсот военных корреспонденций²⁴.

После кончины Ф. А. Кони (1879) Каирова остановила свою работу корреспондентки и вернулась в Россию. Смерть самой Каировой от стенокардии в возрасте 44 лет (1888) была встречена сочувственными некрологами коллег²⁵.

История Н. В. Каировой привлекла внимание Ф. М. Достоевского не только потому, что в ней писатель видел возможность поднять тему пореформенного суда, но, главным образом, поскольку в центре оказывается новый тип женщины, выражающей собой направление общественных настроений. В набросках к «Подростку», написанных с 1874 по 1875 г., за год до этого судебного расследования, он отмечает: «Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых потому же нет), в разложении семейного начала» (16, 80). В действиях Каировой и ее любовника писатель увидел подтверждение того, о чем он повествовал в романе «Подросток». П. Е. Фокин справедливо делает вывод, что в «Дневнике писателя» за 1876–1877 г. подчеркивается оторванность современной женщины от традиционного культурного уклада: она «лишена любви и семьи, и эта противоестественная ситуация толкает ее к противоестественным поступкам»²⁶.

Позиция Достоевского по женскому вопросу существенно отличалась от идей революционных демократов и консерваторов. Писатель был убежден в необходимости женского высшего образования, но при условии, что это должно было приводить не к эмансипации в смысле устройства жизни женщин по мужскому образцу, но к полноценной возможности самореализации, осуществлению права на приобретение новых навыков и знаний, необходимых для общественной деятельности²⁷. Заметим, что женщины у Достоевского, такие как Неточка Незванова («Неточка Незванова»), Софья Семеновна Мармеладова («Преступление и наказание»), Настасья Филипповна Барашкова («Идиот»), Катерина Ивановна Верховцева («Братья Карамазовы»), Софья Андреевна Долгорукая («Подросток») и др., обладают более сильным нравственным началом, чем мужчины. Из этого следует, что, если женщина начинает подражать мужчине, неизбежно происходит ее нравственная деградация. В статьях о судебном разбирательстве дела Каировой

²⁴ См.: *Zirin M. Meeting the Challenge: Russian Women Reporters and the Balkan Crisis of the late 1870s*. P. 140–166.

²⁵ См.: Колосья. 1888. № 3. С. 302; Дело. 1888. Кн. 1. С. 87–88.

²⁶ *Фокин П. «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876–77 гг.* Ф. М. Достоевского // *Преображение: Русский феминистский альманах*. 1998. № 6. С. 29.

²⁷ См.: *Погребная В. Л. Достоевский-публицист о женской эмансипации и женском творчестве*. URL: [http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr_sk/2010_1/files/SC110_42.pdf/](http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr_sk/2010_1/files/SC110_42.pdf) (дата обращения: 14.03.2024).

Достоевский противопоставляет Великанову и Каирову: первая — идеал женщины, вторая — анти-идеал. Писатель берет на себя роль защитника жертвы и оправдывает Великанову так же, как адвокат Утин в свое время оправдал Каинову²⁸.

Больше всего возмущает писателя критика Великановой. Е. И. Утин в своей речи делает акцент на том, что жертва покушения не пришла в суд, хотя она была в состоянии это сделать, так как раны не имели серьезных последствий — через несколько дней после происшедшего она уже выступала на сцене²⁹. Писатель оправдывает ее, хотя с ней незнаком: «Она не из тех людей, которые любят рассказывать о своих страстях публично и описывать всенародно свои женские чувства» (23, 18). Отметим, что показания матери и сестер В. А. Великанова даны не в пользу его законной супруги: мать, например, утверждает, что сын пил, пока жил с женой, и перестал пить с Каировой, а сестры, находясь в хороших отношениях с Каировой, якобы не смогли сойтись с А. И. Великановой³⁰. Тем не менее Достоевский всеми способами старается разоблачить приемы адвоката, показывая, что тот ошибается в самой сути своей речи — характере Каировой и ее невиновности. Каирова представлена в речи адвоката как «львица, у которой отнимают детеныша» (23, 14), для Достоевского же бесспорна «беспутность ее ума и сердца» (23, 15).

В комментарии Достоевского к делу Каировой появляется тема общечеловеческой вины и покаяния. Присутствующая также и в «Дневнике писателя», красной нитью она проходит через сюжет «Братьев Карамазовых». По мнению Достоевского, «воистину всякий пред всеми за всех виноват» (14, 262), поэтому ни у кого нет права судить другого человека, тем более — обвинять или оправдывать. При этом грешник «снимет с себя бремя вины, когда раскается публично, принимая ненависть и презрение людей как неизбежную расплату за обособление от них в своевольной гордыне преступления»³¹. Покаяние у Достоевского часто происходит через исповедь. Каирова использует жанр автобиографии, написанной во время предварительного заключения, не для покаяния, но как инструмент самооправдания, подчас весьма откровенно описывая личные отрицательные свойства характера (стремление вмешиваться в жизнь других людей под видом помощи) как нечто положительное³². Основной упор при этом делается на расшатанные нервы

²⁸ В своей судебной речи адвокат оправдывает Каинову: «Поведение Каировой, женщины любящей страстно, горячо, с увлечением, представляется как нельзя более выдержанным, делаемым честь женщины, между тем, как поведение Великанова является самым вероломным» (Судебная хроника // Голос. 1876. № 122 (3 мая). С. 3).

²⁹ Судебная хроника // Новое время. 1876. № 60.

³⁰ Судебная хроника // Новое время. 1876. № 59 (29 апреля). С. 4.

³¹ Соина О. С. Исповедь как наказание в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 6. Л.: Наука, 1985. С. 132.

³² Например: «Я всегда, даже в самом раннем детстве, ополчалась против притеснения за притесненных; крестьяне и дворовые оттого так и любили меня, несмотря на мои

и дурную наследственность по части душевных расстройств³³. Такой подход сущностно сближает ее очерк с исповедью Николая Ставрогина («Бесы»), в которой герой не раскаивается, но бросает вызов предполагаемому читателю (11, 12–30).

В рамках обсуждения вопроса о понимании нравственной основы чувства вины необходимо упомянуть, что после смерти Каировой Н. С. Лесков подготовил к публикации ее дневниковые записи, сделанные по советам врачей в качестве метода лечения в психиатрической больнице св. Николая Чудотворца, и написал к ним свой комментарий, полемизируя со статьями Достоевского. Он усматривал в дневнике Каировой свидетельство душевной болезни и утверждал, что, «если бы суд принял решение о ее наказании, как хотел Достоевский, то этим сделали бы возмутительную и вопиющую несправедливость»³⁴. Достоевский, в свою очередь, не желал каторги для Каировой: «Что до меня, то я просто рад, что Каирову отпустили, я не рад лишь тому, что ее оправдали» (23, 7–8). Причиной полемики, на наш взгляд, является разное понимание писателями концепта вины. Если Лесков имеет в виду вину уголовную, находя оправдание в болезни покойной, то Достоевский говорит скорее о вине экзистенциальной, христианской. Для него поступок Каировой должен быть осужден в первую очередь самой Каировой. Формула «каждый перед всеми виноват» доступна любому человеку вне зависимости от его ментального и физического состояния как результат откровения, а не рационализации (дневник Каировой — продукт последнего). Напомним, что брат Зосимы Маркел («Братья Карамазовы») был смертельно болен, когда постиг эту мысль.

Контрастным в смысле понимания роли и смысла раскаяния можно назвать дело швеи Е. П. Корниловой (23, 136–147), которая, будучи беременной, выбросила из окна падчерицу, не выдержав психологического террора со стороны мужа. В отличие от Каировой, Корнилова принимает на себя вину, тем самым получая окончательное оправдание

детские капризы и деспотичность, что я всегда готова была явиться заступницей за них, что, по правде, не было мне и трудно, благодаря общему баловству» (Автобиографический очерк А. В. Каировой. С. 379).

³³ «Воспитание: непомерное баловство. Баловство, вызванное моей крайней нервностью, развившейся вследствие нескольких тяжелых болезней, выдержанных подряд в детстве, но тем не менее слишком уж перешедш<е> всякие границы и меру» (Там же. С. 376); «Неспособность нерв выносить именно пустышных раздражений и неспособность воли управлять раздраженными нервами, несмотря на полное сознание, составляет отличительную черту моего организма. Можно подумать, что у меня как бы две нервных системы, из которых одна зависит от мозга, а другая — нет» (Там же. С. 384) и т. д. Про наследственность: «<...> в присутствии дяди никто, не исключая и матери, не смел сказать мне словечка противоречия <...> все предпочитали, конечно, оставлять меня в покое, чем подвергаться гневу довольно, говорят, бешеного дяди» (Там же. С. 377). На суде мать Каировой показала, что ее брат потерял рассудок и застрелился.

³⁴ Макарова О. Е. Судьба каким-то образом ставит меня попереж Вашей дороги... С. 120.

от писателя, в то время как Каирова, по мнению Достоевского, оправдания не заслуживает.

В суде Каирову не обвиняют в преступлении, но оправдывают, учитывая его мотивы: «...она много любила, ей много простится» (23, 19). Обращаясь к этому делу, Достоевский критикует избыточное чувство сострадания и милосердия у русского народа. По мнению писателя, суд присяжных в России нередко испытывает к преступнику жалость и освобождает его, не воспринимая саму идею вины и тем самым не помогая человеку осознать ее, пережить и искренне раскаяться: «Что же, если, приготовляясь к преступлению сознательно, преступник скажет себе: “Нет преступления!” Что, назовет его народ “несчастливым”? Может, и назовет; без сомнения, назовет; народ жалостлив; да и ничего нет несчастнее такого преступника, который даже перестал себя считать за преступника: это животное, это зверь. Что ж в том, что он не понимает, что он животное и заморил в себе совесть? Он только вдвое несчастнее» (21, 18).

Судебные дела уводят нас к более глубоким вопросам психологии русского человека. Идеи Достоевского о повышенном чувстве сострадания русского народа подтверждаются любопытными данными американского историка Луиз Макрейнольдс. Согласно ее исследованию, русские проявляли эмпатию к преступникам с душевными расстройствами. Фактически, суд присяжных в России выносил больше оправдательных приговоров, чем это было характерно для британских и французских присяжных³⁵. Не следует забывать, что сама Каирова была оправдана в силу умопомешательства. Принятые в обществе мнения оказывают влияние на формирование представлений о суде и судимости, а воззрения православного человека отличаются здесь от либеральных. При всей видимой схожести общечеловеческого чувства сострадания, второй ссылается на испорченность общества, а первый оперирует понятиями искушения и личной внутренней борьбы со страстью³⁶ («дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (14, 100)).

Религиозные убеждения влияют на представления общества о справедливости и наказании. Если человек время от времени поддается искушению, то следует его не осуждать, а оправдать по причине случившегося с ним несчастья. Адвокат в своей речи говорит: «Великанова здорова, Великанов здоров, Каирова вынесла много после преступления — зачем же еще камень в нее?»³⁷ На самом деле Каирова не переживала этого единственно справедливого наказания. Если бы был установлен церковный суд, то наказание и оправдание, возможно, имели бы

³⁵ *McReynolds L. Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, 2002. P. 14.*

³⁶ Так же. С. 10.

³⁷ Судебная хроника. Дело г-жи Каировой // Новое время. 1876. № 62 (2 мая). С. 3.

другие критерии и последствия. Церковный суд, как Достоевский старается доказать в своем последнем романе, мог бы рассматривать дела в иной перспективе, не оправдывая, но, одновременно, давая возможность раскаяться и искупить свою вину.

Литературное преломление дела Каировой

Церковный суд — важная тема в романе «Братья Карамазовы». Иван Карамазов, утверждая свой идеал суда, говорит, что справедливый суд не может быть государственным или мирским, но проходит по закону Христову, только это может обеспечить истинную справедливость.

Идея о проникнутом христовой правдой суде обсуждается во время встречи Карамазовых со старцем Зосимой (14, 55–62). Важно подчеркнуть, что концепция церковного суда в романе рассматривается на двух уровнях — реальном и идеальном. Достоевский, с одной стороны, поднимает вопрос о том, что не государство должно включать в себя церковь, а церковь сама должна «включать в себя все государство» (14, 56), подчеркивая ее высокое предназначение и роль в обеспечении духовных ценностей и справедливости. С другой стороны, принципы такого суда, представленного беседами с верующими старца Зосимы, воспринимается в идеальном смысле: «...не в смысле канонически понятого Священного Писания и не догматического православия, а в смысле истинно христианского понимания человека»³⁸. Только так, через церковный суд, человек может искупить вину: «Только сознав свою вину как сын Христова общества, то есть церкви, он сознает и вину свою пред самим обществом, то есть пред церковью. Таким образом, пред одною только церковью современный преступник и способен осознать вину свою, а не то что пред государством» (14, 60).

Суд как одна из основных тем романа «Братья Карамазовы», не только прямо представлен в ряде судебных сценок, но также воплощен в рассуждениях о степени виновности персонажей. Таким образом решается вопрос о том, кто убил Федора Павловича, в условиях, когда сразу несколько человек желали его смерти. Государственный суд осуждает лишь одного из них, Дмитрия, который на самом деле виновен менее Ивана и Смердякова. Иван, веря в идею церковного суда, уходит от земного суда и встречает суд нравственный; осознание своей вины в конечном итоге приводит к его душевному расстройству.

Тема церковного суда была актуальной и широко обсуждалась в публицистике России 1860–1870-х гг.³⁹ Но у Достоевского понятие

³⁸ Буланов А. М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб., 1996. С. 129.

³⁹ См.: Буланов А. М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского. С. 125–136.

церковного суда приобретает новое, более глубокое значение, связывая возможность осуждения человека с нравственными принципами Нового Завета. Церковь рассматривается не как институт, но и как духовное состояние людей, связанных общей судьбой. При этом акцент делается не на грядущем административном наказании, но на возможности покаяния и преобразования себя и изменения сущности своего пути в мире.

Хотя православная церковь и имела свой собственный реестр наказаний в качестве кары за различные преступления, как это видно из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных⁴⁰, для Достоевского важнее было понимание глубокой религиозно-нравственной природы ситуации осуждения одного человека другим, представляющего собой возможность примирения с собой и с Богом, а также реализации принципа истинной справедливости в духе Евангелия. Иван является страдающим человеком, проходящим через «горнило сомнений» (15, 485), подобно автору, и уходящим от земного суда для наказания небесного.

В отличие от Ивана Карамазова, Н. В. Каирова избегает и внутреннего наказания, и суда официального. Она не осознает своей вины (после освобождения уезжает в путешествие, работает корреспонденткой), не чувствуя угрызений совести или, тем более, раскаяния. В связи с этим Достоевского особенно возмущало то, что защитник на суде в своей речи широко использовал цитаты из Священного Писания⁴¹. В романе «Братья Карамазовы» Достоевский разрешает эту дилемму с помощью идеи вины каждого перед всеми, показывая, что только искреннее покаяние и примирение могут разрешить конфликты, неразрешимые в земных судах.

В романе «Братья Карамазовы» присутствуют отсылки к различным судебным процессам, попавшим в сферу внимания писателя. Внешний облик изображенного в романе судебного расследования отчасти опирается на дело Д. Н. Ильинского⁴². Утверждают, что образы участников процесса были взяты писателем главным образом из дела С. Л. Кроненберга, особенно образ адвоката Фетюковича. Р. Шилбайорис считает, что детское начало Мити Карамазова вдохновлено образом маленькой дочери Кроненберга, Марии⁴³. Г. Розеншильд со своей

⁴⁰ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1876.

⁴¹ Напоминаем, что адвокат Е. И. Утин при защите женщины произносит: «Она много любила, ей много простится» (23, 19), имея в виду строки из Евангелия: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лк. 7: 47; Ин. 8: 7–11).

⁴² Д. Н. Ильинский, с которым Достоевский сталкивался на каторге, был несправедливо осужден по обвинению в отцеубийстве (*Якубович И. Д.* «Братья Карамазовы» и следственное дело Д. Н. Ильинского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 119–124).

⁴³ *Silbajoris R.* The children in *The Brothers Karamazov* // *The Slavic and East European Journal*. 1963. Vol. 7, no. 1. P. 26–38.

стороны рассматривает процесс «деконструкции статьи самого Достоевского о деле Е. П. Корниловой»⁴⁴. Но нельзя исключить, что в этом произведении есть аллюзии и на дело Каировой.

Говоря о Каировой, подчас трудно отделить *femme émancipée* от *enfant terrible*. Если упорство, предприимчивость, бесстрашие и наличие литературных амбиций позволяют отнести ее к первому типу, то очевидная беспутность, происходящая, по ее словам, из детской избалованности — ко второму. Деспотичность ее натуры заставляет вспомнить о Катерине Ивановне, мучавшей Ивана и оклеветавшей Митю. При этом деспотизм в случае обеих женщин напрямую связан с безоглядной жертвенностью. Катерина Ивановна пришла к Мите за деньгами для отца и, в конце концов, «пожертвовала» собой, предложив себя в невесты Мите, который впоследствии увлекся Грушенькой. Каирова, как пишет репортер «Судебной хроники», передавая слова В. А. Великанова, «готова была быть “последним ковром”, если бы ему захотелось “стать на нее”»⁴⁵. Об этом же свидетельствуют нежные письма, в которых она называет его не иначе как «дитячкой» (что выглядит странно при ее известной нелюбви к детям). В своей автобиографии Н. В. Каирова приводит слова своего «доброего друга», которые довольно полно характеризуют и Катерину Ивановну: «...за вашу любовь, за вашу дружбу вы требуете всю душу человека, все его помыслы, а нет, так безжалостно прогоняете вон!»⁴⁶ Отметим, что жертвы, на которые идут женщины, оказываются излишними: и предложение Верховцевой, и опека Каировой над Великановым — их собственные проекты, через которые они губят и себя, и окружающих. Отметим, что женская тема играет здесь важную роль, в рамках развиваемой им почвеннической доктрины Достоевский исследует аспекты женской психологии, а также вопрос о влиянии матери на формирование характера и судьбы человека.

Теперь перейдем к теме адвокатуры в романе. Прототипом образа адвоката полагают В. Д. Спасовича, защитника С. Л. Кроненберга. Адвокат Фетюкович описан Достоевским весьма критически, он носитель отрицательных свойств, которые Достоевский обнаруживал в институте адвокатуры. В «Дневнике писателя» он говорит о губительном действии таланта в условиях адвокатской деятельности: «...талант поработает себе своего обладателя, так сказать, как бы схватывая его за шиворот <...> и унося его на весьма далекие расстояния от настоящей дороги» (22, 54). И Е. И. Утина, и Фетюковича он характеризует как людей исключительно талантливых (о Фетюковиче: «талант его был известен повсеместно» (15, 91); об Утине: «он талантлив, и чувство у него, вероятнее всего, натуральное» (23, 12)). Таким образом, возникает очевидное

⁴⁴ *Rosenshield G.* Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law. P. 32.

⁴⁵ Судебная хроника // Новое время. 1876. № 59 (29 апреля). С. 4.

⁴⁶ Автобиографический очерк А. В. Каировой. С. 383.

сходство не только между Фетюковичем и Спасовичем, но также между Фетюковичем и Утиным, выступающими в роли «прелюбодеев мысли» (название одной из глав с речью адвоката). Как отмечает П. Е. Фокин, Утин восстанавливает душевные переживания Каировой, ориентируясь на свою фантазию, а не на показания подзащитной⁴⁷; Фетюкович для отрицания факта отцеубийства со стороны Дмитрия фактически отрицает существование отца, говоря, что Федор Павлович никогда не был настоящим отцом для Мити. Иронично, что при этом адвокат использует в речи цитаты из Евангелия («Отцы, не огорчайте детей своих!» (15, 170) — отсылка к Еф. 6: 4), тем самым противоречит сам себе — сначала усиливает свою позицию словами из Священного Писания, но затем сводит ее на нет, утверждая, что *отец по рождению* «значение уже, так сказать, мистическое, которое я не понимаю умом, а могу принять лишь верой <...> в таком случае это пусть и останется вне области действительной жизни» (15, 170). Отметим, что точно так же в своей речи использовал Евангелие и Утин: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лк. 7: 47). Такого рода риторические манипуляции возмутили Достоевского (23, 19). Еще раз уточним: писатель поддерживает избавление Н. В. Каировой от каторги, но категорически не принимает того, как это избавление было осуществлено: адвокат произнес на суде «похвалу» преступлению, говоря, что любая женщина, у которой есть сердце, поступила бы так же (и присовокупил евангельскую цитату о грешнице (23, 11–16)). Заметим, что иронии, переходящей в абсурд, в реальном судебном разбирательстве Каировой едва ли не больше, чем в деле Дмитрия Карамазова.

Дело Каировой вызывало большой общественный резонанс. В романе «Братья Карамазовы» праздная публика в суде вспоминает именно процесс Каировой:

Помилуйте, господа, ведь оправдали же у нас великим постом актрису, которая законной жене своего любовника горло перерезала.

— Да ведь не дорезала.

— Все равно, все равно, начала резать! (15, 177)

В «Дневнике писателя» этот спор представлен как проблема. Анализируя вопросы присяжным, Достоевский говорит, что понять, «дорезала бы или нет» (23, 10) Каирова жену антрепренера, может только тот, кто обладает божественным всеведением, поскольку даже сама Каирова ответить на этот вопрос не в состоянии. То же самое относится и к судебному процессу над Митей Карамазовым: ни у кого из ведущих расследование не хватает фантазии вообразить, что Митя действительно удержался от преступления.

⁴⁷ Фокин П. «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876–77 гг. Ф. М. Достоевского. С. 32.

По замечанию Г. Розеншильда, Дмитрий Карамазов мало говорит в суде, хотя после реформы подсудимый имел право комментировать показания каждого из свидетелей. Его немногословность объясняется тем, что он олицетворяет собой русский голос, который не может быть услышан в суде, созданном по образу и подобию западного⁴⁸. С вопросом о новом суде непосредственно связан вопрос о почвенничестве писателя. Достоевский верил в обновление человека через его возвращение к нравственным основаниям, своим корням. Как отмечает К. А. Баршт, Достоевский перешагивал через скрытый здесь очаг национализма к «всемирному братству», в котором будет громко звучать русская идея как идея общечеловеческая. Высочайшие точки в развитии мировой культуры, по Достоевскому, являются вехами на его пути от своих «почв» к раю Христову⁴⁹.

Возникает тогда вопрос: как иностранный суд, далекий от русских корней⁵⁰, может быть справедливым? По мнению писателя, время европейского преобразования России, петровских реформ подошло к своему концу, необходимо обратиться к родной «почве», чтобы заново проанализировать состояние общества и внутреннего мира русского человека. Европа для почвенников, Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева и Н. Н. Стрехова не представляла собой ничего цельного и единого, будучи набором различных народов, каждый из которых опирался на свою «почву», конфликтуя с соседними странами. Достоевскому представлялось, что европейские народы, закрытые в самих себе и в своем стремлении создать человеческий идеал внутри себя, не смогли примириться друг с другом: «Они отвергли происшедшую от Бога и откровением возведенную человеку единственную формулу спасения его: “Возлюби ближнего как самого себя” — и заменили ее практическими выводами вроде: “Chacun pour soi et Dieu pour tous” — или научными аксиомами вроде “борьбы за существование”» (26, 78).

Именно с возвращением на русскую почву, к своим корням, с духовным возвращением человека к родной земле станет возможна подлинная универсальность и «органичность» общественной жизни, верил

⁴⁸ *Rosenshield G.* Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law. P. 151.

⁴⁹ *Баршт К. А.* Ф. М. Достоевский. Новые линии. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 422.

⁵⁰ Консерваторы упорно критиковали новые институты судопроизводства — адвокатуру и суд присяжных — которые, по их мнению, были несовместимы с русской средой. Несмотря на необходимость судебной реформы, возникшей практически одновременно с крестьянской реформой, консерваторы настаивали на том, что закон христианский выше правового, человеческого закона и надо любым способом избегать «брать на себя право суда над ближним», а также отмечали «повсеместное стремление граждан любыми путями уклониться от выполнения общественных поручений и гражданских обязанностей» (*Кругликова О. С.* Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // *Вестник СПбГУ. Язык и литература.* 2017. Т. 14, № 4. С. 664–675).

Достоевский. Европейские национальные проекты неудачны из-за их изоляционизма, в то время как синтез различных культурных моделей легко принимается русским человеком, как утверждал Достоевский, в силу «инстинкта всечеловечности». Некритическое заимствование европейской модели суда, как и любое другое некритическое заимствование, сомнительно, по Достоевскому, так как отчуждает народ от его корней.

Публика, собравшаяся на судебном заседании, со всей очевидностью пропитана передовыми идеями и не очень склонна отличать ложь от истины. Она находится в оппозиции к Мите, которому не остается ничего, кроме молчания. Зрители наслаждаются скандалом, ищут в нем развлечения: «Дамы схватились за лорнеты и бинокли, мужчины зашевелились, иные вставали с мест, чтобы лучше видеть» (15, 90). Все жаждут увидеть двух соперниц — Грушеньку и Катерину Ивановну, подобно тому, как хотели увидеть публичное столкновение Великановой и Каировой. Достоевский цитирует письмо по поводу дела Каировой, в котором описана реакция публики: «В “нижнем помещении публики, занятом исключительно дамами, послышались аплодисменты” (“Биржевец<ы> вед<омости>”). Чему аплодисменты? Оправданию сумасшедшей или торжеству расходившейся страстной натуры, цинизму, проявившемуся в лице женщины» (23, 5).

Жажда зрелищ у собравшихся на процессе зевак дополняется стремлением участников процесса поактерствовать. Ракинтин подготовил статью для публикации в журнале, а его свидетельские показания — пространная речь о нравах русского общества, мало относящаяся к существу дела. Прокурор Ипполит Кириллович пишет романы и использует процесс для демонстрации своих литературных и публицистических амбиций. Он оправдывает поведение Мити в духе писателей натуральной школы — подсудимый не виноват, виновато общество, среда: «В том и ужас наш, что такие мрачные дела почти перестали для нас быть ужасными! Вот чему надо ужасаться, привычке нашей, а не единичному злодеянию того или другого индивидуума» (15, 123). Прокурор исходит из того, что жизненные обстоятельства, включая весь известный набор поступков Федора Павловича, могли оказать мотивирующее влияние на потенциального убийцу. Подчеркивается, что в определенном смысле виновных или невиновных здесь вовсе нет.

Обратим внимание на то, что подобным образом обвинитель и адвокат трактовали вину подсудимой Каировой: «Смеется ли г-н Утин, благодаря прокурора за то, что обвинительная речь его против Каировой, кроме того, что была “блестяща и талантлива, красноречива и гуманна”, была сверх того и скорее защитительная, чем обвинительная» (23, 12).

Еще одним аспектом дела Каировой, отразившимся в судебном процессе над Дмитрием Карамазовым, становится медицинская экспертиза. Разногласия между экспертами, обвинения и контробвинения

выглядят здесь комично. Каждый высказывает свою версию о том, куда Митя должен был посмотреть и почему смотрел в определенном направлении. Вводя в сюжет фигуры благочестивого доктора Герценштубе из Скотопригоньевска, натасканного в терминах специалиста из столицы и доктора Вервинского, Достоевский обыгрывает пристрастие экспертов к новомодным медицинским определениям, подчеркивая их высокомерие, профессиональное тщеславие, неспособность прийти к единому мнению, что лишь создает дополнительные сложности для расследования.

Похожая ситуация была в деле Каировой: на судебном заседании были представлены медицинские заключения со стороны обвинения от докторов Петра Андреевича Дюкова и доктора Майделя, а также показания защиты от докторов Оттона Антоновича Чечотта, Льва Федоровича Рогозина и Ивана Павловича Мержеевского, известных и весьма авторитетных специалистов. Обвинение пыталось доказать, что Н. В. Каирова действовала сознательно, но защите удалось убедить присяжных в том, что женщина находилась в состоянии временного аффекта. В статье на страницах «Гражданина», редактором которого был Достоевский, содержится комментарий этого процесса. Наибольшее негодование высказано именно по адресу медицинской экспертизы: «Поветрие на признание безответственности преступника, в особенности убийцы, по причине душевного аффекта, есть одно из многих новых поветрий, подувших к нам с запада, и происходящих из того ученого мира, где не веруют ни в Бога, ни в нравственности»⁵¹. Отметим, что Н. С. Лесков в комментарии к дневнику Каировой, наоборот, ставит в заслугу медэкспертизе, что она признала Каирову невменяемой на момент совершения преступления: «Медицинская экспертиза и суд в деле Каировой только и спасли от тяжкой ошибки — покарать бедную женщину, достойную не наказания, а того глубокого сострадания, в котором она сама себе отказывала целую жизнь и, может быть, отказала себе в нем даже на пороге в вечность»⁵².

Если согласиться с идеей об умственной невменяемости Каировой, чудовищной выглядит линия защиты, построенная на том, что «аффект» подсудимой не патологический, а как бы «общечеловеческий» — по формуле *так поступила бы на ее месте любая женщина*. Вменяемой ее считает и Ф. М. Достоевский, однако его негодование направлено скорее на «автоматизацию» приема, когда абсолютно любые человеческие поступки в конечном счете могут быть оправданы помутнением сознания или пагубным влиянием среды. С человека таким образом полностью снимают его вину, но платой за это является полная потеря идентичности. Перефразируя известную формулу

⁵¹ Х. Х. Х. Многое // Гражданин. 1876. № 17 (23 мая). С. 468–469.

⁵² Макарова О. Е. Судьба каким-то образом ставит меня поперек Вашей дороги... С. 121.

Достоевского, можно сказать, что «если Бога нет, то человеку ничего не позволено».

Анализируя конструирование и нарратологизацию персонажей в «Братьях Карамазовых», Уильям Миллз Тодд III отмечает, что писатель играет с разными типами дискурсов — литературным, медицинским, судебным. К тому же такие персонажи, как Иван или Дмитрий Карамазовы, представлены неоднозначно, их нравственные физиономии меняются в соответствии с намерениями повествователя. Исследователь убежден, что «эти истории рассказывает кто-то, обращаясь к кому-то и с какой-то целью»⁵³. В суде возникает сходная ситуация: вместо поиска истины и справедливого решения там преобладают изысканные юридические приемы и медицинские вердикты — слова, которые не проясняют суть дела, но запутывают следствие и отводят приносящих от истины.

В свете сказанного становится ясно, что суд над Каировой, по своему исходу противоположный суду над Дмитрием Карамазовым, должен был выглядеть для Достоевского даже более катастрофично, поскольку способствовал дальнейшему нравственному падению подсудимой и общества в целом. Все участники процесса выступили для нераскавшейся Каировой в роли «брата-черта»⁵⁴, умного Ивана Карамазова, предлагающего Мите бежать в Америку. Таким образом, реальный суд превращается для писателя в антисуд, пародию на Суд Божий, в которой оправдательный приговор, лицемерно преподнесенный как акт христианского милосердия, приковывает человека к пороку.

Дело Н. В. Каировой позволяет увидеть характерные особенности интеллектуальной жизни России середины XIX в., где широко обсуждались вопросы института семьи, шли дискуссии об эмансипации женщин и оправданности судебной психиатрии. Совершив свое преступление, Каирова оказалась на переднем крае всех этих обсуждений и полемики именно потому, что воплощала в своей личности черты «нового человека», эмансипированной женщины, сексуально раскрепощенной, готовой принимать серьезные решения, при этом предприимчивой, амбициозной и способной к строительству личной карьеры, разумеется, вызывая тем самым определенную ревность со стороны мужчин, по отношению к которым она занимала подчас вполне традиционную позицию деспотичной гиперопекающей матери. Изучение

⁵³ *Миллионщикова Т. М.* Исследования по русской литературе XIX в. в славистических работах У. М. Тодда III // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2020. № 4. С. 142.

⁵⁴ Как полагает Макарова, в деле имел место судебный сговор: Ф. А. Кони не хотел портить свою репутацию и карьеру своего сына, который поэтому тоже был занят в улаживании дела, а А. С. Суворин, в свою очередь, хлопотал в благодарность А. Ф. Кони за ведение дела об убийстве его первой жены (см.: *Макарова О. Е.* Судьба каким-то образом ставит меня поперек Вашей дороги... С. 94–95).

ее биографии помогает более глубокому пониманию вопроса, стоявшего в центре внимания Достоевского в 1870-е гг., — о социальной роли женщины и преодолении феномена «случайного семейства». Тексты и вся трагическая история Каировой должны присутствовать в научном обороте как необходимый материал, многое объясняющий в истории русской культуры и литературы второй половины XIX в.

Исследуя дело Каировой, мы лучше понимаем проблематику творчества и мировоззрения Ф. М. Достоевского. Изучение судебного дела через призму писательской интерпретации представляется перспективным направлением, раскрывая не только истоки творческих импульсов писателя, но и суть его гражданской позиции по разным актуальным проблемам современной ему общественной жизни. Из его текстов, связанных с этой темой, можно получить новую информацию о «новом человеке», женщине-нигилистке, которая, выпав из старой культурной парадигмы, становится опасна не только для окружающих, но и для себя. Комментарий Достоевского к делу Каировой становится существенным вкладом в полемику о новых судебных практиках, только что внедренных институтах адвокатуры и психиатрической экспертизы, а само расследование получает отражение в «Братьях Карамазовых». Писатель доказывает, что суд не является местом истинного раскаяния и искупления вины: бывает, что там не признают очевидную вину преступника, и, напротив, осуждают невиновного. Анализируя дело Каировой и выстраивая эпизоды судебного расследования в романе «Братья Карамазовы», Достоевский приходит к выводу, что ангажированное манипулирование словами и фактами делает суд «антисудом», инстанцией антиискупления, не отличающей добро от зла.

Библиографический список

- Автобиографический очерк А. В. Каировой / вступ. ст. и примеч. О. А. Бабук // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 2001. С. 375–387.
- Барит К. А.* Ф. М. Достоевский. Новые линии. СПб., 2022. 544 с.
- Буланов А. М.* Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб., 1996. С. 125–136.
- Дорошева Е. В.* Достоевский и русский суд как основа национально-правовой этики: феноменология образов: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 250 с.
- Заграничные известия. Константинополь, 3 января // Голос. 1877. № 3 (3 января). С. 2.
- Каирова Н. В.* Письма к А. С. Суворину. 1877–1880 гг. (ИРЛИ. Ф. 268. Архив А. С., А. А., М. А. Сувориных. Оп. 1. Ед. хр. 28; РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1667).

- Каирова Н. В.* Сказка о нужде: фламандская легенда (РГАЛИ. Ф. 275. Архив Н. С. Лескова. Оп. 1. Ед. хр. 347).
- Карлова Т. С.* Достоевский и русский суд. Казань, 1975. 163 с.
- Кругликова О. С.* Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, №4. С. 664–675.
- Макарова О. Е.* Судьба каким-то образом ставит меня поперек Вашей дороги...: «Дело Каировой» и его след в биографии А. С. Суворина (дневник Настасьи Васильевны Каировой в сумасшедшем доме) // Новое литературное обозрение. 2005. №75. С. 110–121.
- Миллионщикова Т. М.* Исследования по русской литературе XIX в. в славистических работах У. М. Тодда III // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2022. №1. С. 132–143.
- Нос А.* Замечательные судебные дела. СПб., 1869. 231 с.
- Погребная В. Л.* Достоевский-публицист о женской эмансипации и женском творчестве. URL: http://eir.zntu.edu.ua/bitstream/123456789/966/1/Pogrebnaia_Dostoyevsky.pdf (дата обращения: 14.03.2024).
- Сафронова Е. Ю.* Право в художественном сознании Ф. М. Достоевского // Вестник ТГПУ. 2012. №3. С. 147–156.
- Соина О. С.* Исповедь как наказание в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридлиндер. Т. 6. Л., 1985. С. 129–136.
- Судебная хроника. Дело Каировой // Голос. 1876. №118 (29 апреля). С. 4; №119 (30 апреля). С. 3–4; №121 (2 мая). С. 3; №122 (3 мая). С. 5.
- Судебная хроника. Дело г-жи Каировой // Новое время. 1876. №59 (29 апреля). С. 3–4; №60 (30 апреля). С. 4–5.
- Судебная хроника // Петербургская газета. 1876. №82 (29 апреля). С. 3; №83 (30 апреля). С. 3.
- Судебная хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. №117. С. 4.
- Таганцев Н. С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. СПб., 1876. С. 726.
- Уччелло И.* Риторика судебная и идеологическая: Уголовный процесс в трактовке Достоевского // Мир русского слова. 2019. №4. С. 48–54.
- Фокин П.* «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876–77 гг. Ф. М. Достоевского // Преображение: Русский феминистский альманах. 1998. №6. С. 29–33.
- Якубович И. Д.* «Братья Карамазовы» и следственное дело Д. Н. Ильинского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 119–124.
- Holmgren B.* Gendering the icon: marketing women writers in *Fin-de-siècle* Russia // Russia. Women. Culture / eds. H. Goscilo, B. Holmgren. Bloomington, 1996. P. 321–346.
- LeBlanc R. D.* Dostoevsky and the trial of Nastasia Kairova: Carnal love, crimes of passion, and spiritual redemption // Russian Review. 2012. Vol. 71, no. 4. P. 630–654.
- McReynolds L.* Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, 2002. 274 p.

- McReynolds L. *The News shapes the Medium: War and Assassination, 1876–1881 // The News under Russia’s Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton, 1991. P. 73–96.
- Murav H. *Russia’s legal fictions*. Michigan, 1998. 280 p.
- Rosenshield G. *Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law*. Madison, 2005. 309 p.
- Silbajoris R. *The children in The Brothers Karamazov // The Slavic and East European Journal*. 1963. Vol. 7, no. 1. P. 26–38.
- Zirin M. *Meeting the challenge: Russian women reporters and the Balkan crisis of the late 1870s // An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia / eds. B. T. Norton, J. M. Gheith*. Durham; London, 2001. P. 140–166.

References

- Avtobiograficheskii ocherk A. V. Kairovoi [Autobiographical essay by A. V. Kairova], introd. and comment. O. A. Babuk. In: *Rossiyskii arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: al'manakh*. Moscow, 2001. Pp. 375–387. (In Russ.)
- Barsht K. A. *F. M. Dostoevskii. Novye linii* [F. M. Dostoevsky. New lines]. Saint Petersburg, 2022. 544 p. (In Russ.)
- Bulanov A. M. Stat'ia Ivana Karamazova o tserkovno-obshchestvennom sude v ideino-hudozhestvennoi strukture poslednego romana Dostoevskogo [Ivan Karamazov's article on the church-public court in the ideological and artistic structure of Dostoevsky's last novel]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 12. Saint Petersburg, 1996. Pp. 125–136. (In Russ.)
- Dorosheva E. V. *Dostoevskii i russkii sud kak osnova natsional'no-pravovoi etiki: fenomenologiya obrazov* [Dostoevsky and the Russian court as the basis of national-legal ethics: the phenomenology of images], dissertation. Krasnodar, 2005. 250 p. (In Russ.)
- Fokin P. “Zhenskii vopros” v “Dnevnikhe pisatel'ia” 1876–77 gg. F. M. Dostoevskogo [“The Women’s Question” in F. M. Dostoevsky’s “A Writer’s Diary” of 1876–77]. *Preobrazhenie. Russkii feministskii al'manakh*, 1998, no. 6, pp. 29–33. (In Russ.)
- Holmgren B. Gendering the icon: marketing women writers in *Fin-de-siècle* Russia. In: *Russia. Women. Culture*, eds. H. Goscilo, B. Holmgren. Bloomington, 1996. Pp. 321–346.
- Iakubovich I. D. “Brat'ia Karamazovy” i sledstvennoe delo D. N. Il'inskogo [“The Brothers Karamazov” and the investigation case of D. N. Ilyinsky]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 2. Leningrad, 1976. Pp. 119–124. (In Russ.)
- Kairova N. V. Pis'ma k A. S. Suvorinu. 1877–1880 gg. [Letters to A. S. Suvorin. 1877–1880]. *IRLI, f. 268. Arkhiv A. S., A. A., M. A. Suvorinykh*, op. 1, ed. khr. 28; *RGALI, f. 459*, op. 1, ed. khr. 1667. (In Russ.)
- Kairova N. V. Skazka o nuzhde: flamandskaya legenda [The tale of destitution: A Flemish legend]. *RGALI, f. 275, Arkhiv N. S. Leskova*, op. 1, ed. khr. 347. (In Russ.)

- Karlova T.S. *Dostoevskii i russkii sud* [Dostoevsky and Russian court]. Kazan', 1975. 163 p. (In Russ.)
- Kruglikova O.S. Vopros o sudebnoi reforme 1864 g. v publitsistike N.P. Giliarova-Platonova i F.M. Dostoevskogo [The issue of the judicial reform of 1864 in the journalism of N.P. Gilyarov-Platonov and F.M. Dostoevsky]. *Vestnik of Saint Petersburg. Iazyk i literatura*, 2017, vol. 14 (no. 14), pp. 664–675. (In Russ.)
- LeBlanc R.D. Dostoevsky and the trial of Nastasia Kairova: Carnal love, crimes of passion, and spiritual redemption. *Russian Review*, 2012, vol. 71, no. 4, pp. 630–654.
- Makarova O.E. “Sud’ba kakim-to obrazom stavit menia poperek Vashei dorogi...”: “Delo Kairovoi” i ego sled v biografii A. S. Suvorina (dnevnik Nastas’i Vasil’evny Kairovoi v sumasshedshe dome) [“Fate somehow places me transversely your way...”: “The Kairova Case” and its traces in the biography of A. S. Suvorin (the diary of Nastasya Vasilievna Kairova in a madhouse)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, no. 75, pp. 110–121. (In Russ.)
- McReynolds L. *Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia*. Ithaca, 2002. 274 p.
- McReynolds L. The News shapes the Medium: War and Assassination, 1876–1881. In: *The News under Russia’s Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton, 1991. Pp. 73–96.
- Millionshchikova T.M. Issledovaniia po russkoi literature XIX v. v slavisticheskikh rabotakh U.M. Todda III [Studies in Russian literature of the 19th century in Slavic works by W.M. Todd III]. *Referativnyi zhurnal. Sotsial’nye i gumanitarnye nauki. Zarubezhnaia literatura. Ser. 7. Literaturovedenie*, 2022, no. 1, pp. 132–143. (In Russ.)
- Murav H. *Russia’s legal fictions*. Michigan, 1998. 280 p.
- Nos A. *Zamechatel’nye sudebnye dela* [Remarkable court cases]. Saint Petersburg, 1869. 231 p. (In Russ.)
- Pogrebnaia V.L. *Dostoevskii-publitsist o zhenskoi emansipatsii i zhenskom tvorchestve* [Dostoevsky the publicist on women’s emancipation and women’s creativ]. Available at: http://eir.zntu.edu.ua/bitstream/123456789/966/1/Pogrebnaia_Dostoyevsky.pdf (accessed: 14.03.2024). (In Russ.)
- Rosenshield G. *Western law. Russian justice: Dostoevsky, the Jury Trial, and the Law*. Madison, 2005. 309 p.
- Safronova E. Iu. Pravo v khudozhestvennom soznanii F.M. Dostoevskogo [Law in the artistic consciousness of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik TGPU*, 2012, no. 3, pp. 147–156. (In Russ.)
- Silbajoris R. The children in *The Brothers Karamazov*. *The Slavic and East European Journal*, 1963, vol. 7, no. 1, pp. 26–38.
- Soina O.S. Ispoved’ kak nakazanie v romane “Brat’ia Karamazovy” [Confession as punishment in the novel “The Brothers Karamazov”]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*, vol. 6. Leningrad, 1985. (pp. 129–136). (In Russ.)
- Sudebnaia khronika. Delo Kairovoi [Court chronicle. Kairova case]. *Golos*, 1876, no. 118 (29 apreliia), p. 4; no. 119 (30 apreliia), pp. 3–4; no. 121 (2 maia), p. 3; no. 122 (3 maia), p. 5. (In Russ.)
- Sudebnaia khronika. Delo g-zhi Kairovoi [Court chronicle. Mrs. Kairova case]. *Novoe vremia*, 1876, no. 59 (29 apreliia), pp. 3–4; no. 60 (30 apreliia), pp. 4–5. (In Russ.)

- Sudebnaia khronika [Court chronicle]. *Peterburgskaia gazeta*, 1876, no. 82 (29 apreliia), p. 3; no. 83 (30 apreliia), p. 3. (In Russ.)
- Sudebnaia khronika [Court chronicle]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1876, no. 117, p. 4. (In Russ.)
- Uccello I. Ritorika sudebnaia i ideologicheskaia: Ugolovnyi protsess v traktovke Dostoevskogo [Judicial and ideological rhetoric: Criminal procedure in Dostoevsky's interpretation]. *Mir russkogo slova*, 2019, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.)
- Tagantsev N. S. *Ulozhenie o nakazaniakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1866 goda: s dopolneniiami po 1 ianv. 1876 g.* [The code of criminal and probational punishments of 1866: with additions up to January 1, 1876]. Saint Petersburg, 1876. 726 p.
- Zagranichnye izvestiia. Konstantinopol', 3 ianvaria [Foreign News. Constantinople, January 3]. *Golos*, 1877, no. 3 (3 ianvaria), p. 2. (In Russ.)
- Zirin M. Meeting the challenge: Russian women reporters and the Balkan crisis of the late 1870s. In: *An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia*, eds. B. T. Norton, J. M. Gheith. Durham & London, 2001. Pp. 140–166.